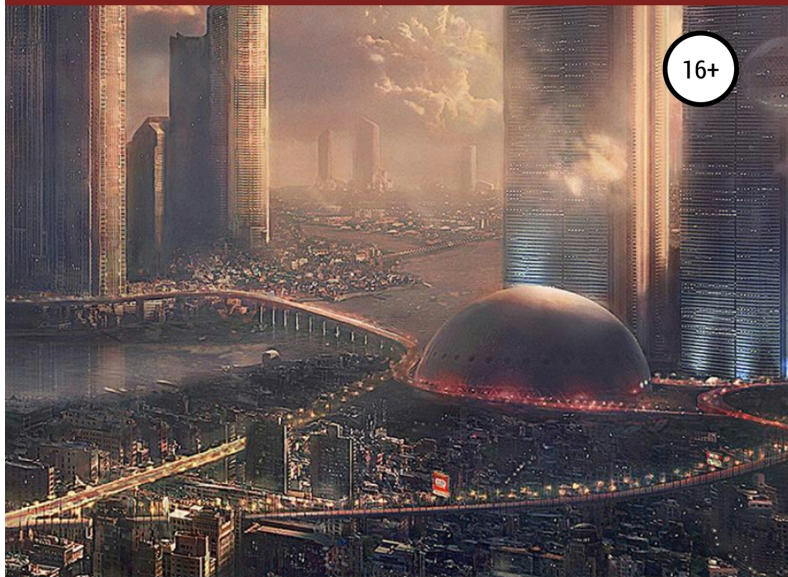

Темный

Сны бродяги меж мирами

Темный Сны бродяги меж мирами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59591337

SelfPub; 2020

Аннотация

Наган и шпага, это все что нужно для сохранения чести дворянина? Может амулет перехода лучше? Кому вообще нужна эта дворянская честь?

Содержание

глава первая	5
глава вторая	16
глава третья	23
глава четвертая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Часть первая

глава первая

Как не охота переться завтра на демонстрацию, кто бы знал! Почему предки не выбрали для революции месяц теплее? Май или сентябрь, октябрь? Нет, Великая Февральская Революция! Самая слякоть или того хуже метель! Крамольные мысли, знаю. Борюсь с собой, пытаюсь, но блин! Заболеть после демонстрации, все равно что парторгу в морду дать, без последствий не останется! Особенно мне, потомук не надежного класса, чуть не приведшего Великую Россию к поражению в Первой Отечественной. Мама всю свою жизнь проработала в госпитале медсестрой! Отец оперировал под бомбежкой что в первую, что во вторую и на тебе, ненадежный класс, дворяне! Родители и погибли вместе с госпиталем, попали под авиа налет нацистов.

Ладно, надо ботинки под батарею засунуть, чтобы до завтра просохли, болеть и правда вредно. Лечь бы пораньше, но в коммуналке это не реально, обязательно что-нибудь спросят или расскажут если заметят. Комната у меня угловая, зимой прохладно, зато летом!!! Летом я и в коридоре неделями не появляюсь! Зачем, если окна все время на распашку? Этот шик мне достался после устройства на работу в бюро. Тетя была против конечно, но выслушивать ее нотации о неправильном поведении для дворянина? Какое дворянство?! На дворе вторая половина двадцатого века!!! Все

прогрессивное человечество давно отказалось от классовых предрассудков, а тетя... Она все еще там, на Петербургских балах, среди баронов и князей...

Надо кстати забежать к тетке после демонстрации, а то совсем забыл про нее. Звонил правда пару дней назад, но разве что-нибудь поймешь посреди коридора, когда соседи перекрикиваются из конца в конец. Так что забегу завтра! Тем более что автобус будет бесплатный, профорг обещал!

Нам с Леночкой из учета поручили тачку с флагами, почетное и уважаемое поручение! Будем с ней идти с самого края колонны, трибуна прямо перед глазами! Леночка аж подросла в... В общем пальто вверху не сходилось и румянец не от мороза появился! Мне с одной стороны смешно, с другой страшно. Вдруг и правда заметят нас? С армии не люблю на виду у начальства мелькать. Сначала вроде все хорошо, зато как узнают о классовой не надежности, так начинается. Вы сами понимаете, мы должны учитывать происхождение, а вдруг... В общем наслушался уже.

Прошли мы весело, с лозунгами, с песнями, ну и без стаграмм не обошлось, какой без этого праздник? Парторг лично наливал! Спирт! Заводской, не самогон какой-нибудь! Собрал флаги, покатыл тачку к бортовой полуторке, сдать надо под роспись и свободен! Леночка уже с подружками сбежала, но я ведь все равно к тетке собирался.

Тетя революцию не то что не любила, но и не радовалась как я. Вот чего она такая? Великую Отечественную ведь вы-

играли! Да и первую тоже, а ей все не так. Не пойму я ее никак, то в церковь пойдет, то в своей библиотеке начнет книги Толстого всем предлагать или Пушкина! Они же все дворяне, как не понимает? Да и церковь давно отделена от государства и признана отсталой! Ничего, зато она у меня добрая, взялась за меня, когда мама с папой погибли. Я тогда на фронт хотел сбежать, попытался два года себе приписать, мстить гадам! Вернули... В армию меня взяли, когда до конца войны и года не осталось, да и послали не на передовую. Служил в штабе артиллерийского полка, связь закрывал. Вот странное дело, в нашем отделе все дворяне собрались. Узнал конечно по случаю, когда доверять стали. Начальником у нас к слову был один из двух уцелевших после первой войны кавалергардов, князь Можайский. Как он морщился когда его называли товарищ старший командир, это видеть надо было! Высокий, крепкий, спина как будто кол проглотил, порода прям и прет! Он меня к себе после войны в бюро и взял. Классный мужик! Хоть и князь...

Тетя как узнала, что я с Можайским буду работать, так чуть в обморок не упала. Какую-то ахинею понесла, что он с сатаной связался, поэтому нынешняя власть его и не трогает! Не объяснишь же, что он изобретает новейшие системы связи, секретность! Мне повезло, что с ним служил, проверяли всего два месяца. Семена, моего напарника по работе, полгода! Даже прадеда семинариста откопали, шучу! Никто могилу не вскрывал, узнали просто, что был такой. Семен из

синих воротничков, потомственный цеховой, способностей у него еще меньше чем у меня, зато происхождение! Мы с ним на пару в лаборатории работаем, связь закрываем когда скажут. Черт! Это ведь тоже секрет! Завтра выходной, а я о работе опять! Выкинуть из головы, тем более что вот и дверь нашей квартиры. Раньше здесь я с родителями жил, а потом тетя приехала, в войну. Ладно, вспоминаем французский...

– Бонжур Пьер!– Тетя открыла дверь и с порога завела свою французскую шарманку.– Пурку а эст иль ресте? (Почему опоздал!)

– Танте! Жетайс а ля манифестацъон! (Тетя, я был на демонстрации!) – Тетю напоминание о демонстрации привело в воинственный вид.

– Куавез-воус монтре, мон гарсон? (Что же ты демонстрировал?)– Тетя снова села на своего конька.– Компортемент индижине? (Недостойное поведение?)

– Танте! Же не манж...

Только упоминание, что я голодный могло сбить настрой тети. Чего я и добивался! Мне ее постоянные уроки манер и французского уже в печенках, один раз увидела как я со знакомой по парку шел, так неделю тренаж устраивала, похуже армии! Как руку подать, как даму сопровождать, как смотреть и куда вести, ужас короче!

– Се лэвер лес мэйнс ет а ла табле! (Мыть руки и за стол!)– Тетя проследила чтобы я воспользовался мылом и пошла в гостиную.

Квартира наша была старая, еще дед папин Александр Степанович приобрел, пять комнат, кабинет и гостиная. После революции осталась за нами, папа был известным хирургом и право на такую жилплощадь имел. Ну, а я из квартиры сбежал! Как только возможность появилась, так сразу и сбежал! Забегаю правда часто, в основном поесть или помыться, а тетя сразу пытается меня воспитать.

– Петр! Ту дойс поурсуивре тес етудес! (Ты должен учиться!)– Вот опять! – Можайский же теай суремент дит ля меме чусе. Иль сайт екзактемент ле прикс дуне бонне едюкацьон! (Можайский наверное тебе говорил это и не раз, ему то ценность образования известна!)

Тетя никогда не называла моего начальника по имени, только вот так, по фамилии.

– Николай Семенович постоянно об этом говорит.– Вот заладили эти старики! Учиться, учиться и еще раз учиться! Жить то когда? Скоро совсем старым уже буду, почти восемнадцать! Еще чуть-чуть и стану как они!– Только жить тогда на что? Стипендия только у отличников и то тридцать целковых.

– Рублей мон гарсон, рублей! Владимир Александрович имел сбережения, хватит на весь срок обучения в университете!– Тетушка сбилась с менторского тона от волнения и перешла на русский.– Сколько можно пренебрегать честью семьи? Ты обязан быть достоин своей фамилии, рода наконец!

Сколько можно? Папа с мамой пока не погибли, тетя, потом и Можайский все твердят в унисон. Учись! Не зарывай свой талант в землю! Чему? Пять лет уделять внимание только одному предмету, когда вокруг кипит такая жизнь!? В бюро шепотом говорят, скоро в космос полетим, а может сразу на Луну или Марс! Атомные корабли скоро будут, поезда, машины! Мы вроде такие системы связи разрабатываем, что скоро от куда угодно и куда угодно дозвониться можно будет! Говорят даже у каждого с собой телефон будет, но это наверняка врут, я все таки на серьезном предприятии работаю, имею понятие. Ну и на кого мне учиться? На врача? Чтобы сравнивали с папой? В общем не выбрал еще, а эти давят и давят...

– Если ты не пойдешь в университет в этом году, руки не подам! Дойду до твоего Можайского, пусть устроит тебе обструкцию, в партком ваш сообщу!– Тетя отвернулась и потянула из рукава платок.– Ну как ты не понимаешь. Помочь тебе в жизни может только один человек, ты сам. Для этого нужна светлая и умная голова, а без правильного образования ты этого не получишь!

– Же те ле прометс, танте. Же вайс аллер а ль универсигет сетте анне. (Обещаю поступить в университет в этом году.)– Обещания тетя принимала только на французском.

– Ту ле журе? (Обещаешь?)

– Журе. (Обещаю.)– Теперь точно придется поступать, обещал.

Март пролетел как-то не заметно и солнце всю намекало на скорое лето. Наша компания всю развлекалась, участвуя в заводских соревнованиях. Пятерка одноклассников, поступивших на наш радиозавод, еще в школьные годы наводила шорох на всяких спортивных площадках, от волейбольной, до боксерского ринга. Леха Длинный получил первый юношеский по боксу, Валя Колесникова даже в сборную города по волейболу раз попала! Так что чуть потеплело и мы пропадали во дворе, носясь с мелкотой на равных. Сами расчищали завалы взорванного стадиона, ровняли и размечали площадки, зато как здорово было потом на них играть! Николай Семенович относился к нашим спортивным занятиям с пониманием, даже попросил нас помочь освободить под трибунами маленький зал. Через несколько дней перед заводской столовой появилось объявление о наборе в секцию фехтования и мне пришлось в нее записаться! Николай Семенович прямо потребовал от меня заниматься в его секции. Пятерка наша и так не часто собиралась вся, а тут еще и фехтование... Можайский вообще меня стал нагружать все больше, то задержись, помоги с расчетами, то замени лаборанта, то надо выйти в выходной. В один из вечеров, когда мы остались в лаборатории одни, Николай Семенович завел разговор.

– Петр Владимирович.– Он сидел на стуле и держал чашку с чаем над блюдцем. – Чем вы собираетесь заниматься дальше? Работа техника в опытном бюро конечно неплохой

опыт, но совершенно не достаточный!

– Собираюсь поступать в университет...– Я пока еще не решил куда же мне направить свои стопы, где тот гранит, что предстоит грызть. Поэтому энтузиазма в моем голосе не было, ни на йоту.

– Похвально. На какую специальность? Хотя подождите.– Он отставил чашку и сложил руки на груди.– Выслушайте меня, а потом уже ответьте.

Николай Семенович поднялся и прошел своей скользкой походкой фехтовальщика вдоль стола.

– Что вы ощущаете, когда оперируете силой в лаборатории?

Мы все говорили проще, прикрыть связь, выкинуть открытку, поднять щит, а вот князь Можайский выразался академически, оперировать силой.

– Мы же в отчетах пишем, вибрации, звуки, цветовые пятна.

– Я не об этом!– В возбуждении он снова сел на стул и вскочил.– Ощущаете ли вы саму эту силу? Отзывается в вас что-либо на ее зов?

Это была опасная тема, после отчуждения церкви, силу про которую мы сейчас говорим, считали природным фактором. Безличным, не имеющим воли и по определению не могущей куда-то звать!

– Ты ведь знаешь кем я был.– Это был не вопрос, но само упоминание о кавалергардах было уже неприятным наруше-

нием.— В тебе есть потенциал, но его надо развивать.

— Зачем? Магию ведь признали ложной наукой! Если бы она что-то могла, разве не стали бы использовать в войну?

— Как ты думаешь погибли кавалергарды? От старости?— Николай Семенович поник.— В каждом сила отзывается по разному. Ты же слышал о Николе Тесла? О Йоффе? Ландау? Капице? Нильс Бор или Нобель ни о чем имена не говорят?

— Они все кавалергарды?— Меня от такого аж качнуло.

— Нет конечно! Кавалергард это военный, а они ученые! Но у всех у них степени магистров! Я к чему весь этот разговор веду. Изучение силы или магии, как называют на западе эту специальность, насущная необходимость. Это наконец-то поняли и у нас. Не так глобально, но все-таки.

— Мы ведь именно этим и занимаемся! Что-то я запутался. При чем здесь куда я буду поступать?

— У нас в городе открывают филиал столичной академии физики. Из Петербурга профессора не поедут конечно, но толковых аспирантов пришлют. Одна кафедра будет посвящена силе. Я хочу, чтобы ты поступил на нее. Перейдешь по штату в производственный цех, он с семи утра до четырех, а работать так и будешь в бюро, в моей лаборатории. К девяти как раз на лекции, а потом в бюро во вторую.

— А гулять когда!?!— Меня этот разгул стихии, решившей все за меня, привел в замешательство.— Времени же ни на что другое не останется!

Экзамены я сдал, тут еще молодежная путевка от бюро,

наказ от райкома социалистической партии, в общем не отвертеться. Так что выполнил обещание, данное тете.

Теперь я виделся с друзьями только по утрам, вместе шли на завод. Бюро работало с девяти, так что я час помогал мастеру участка. Ставил чайник, заваривал чай и мыл кружки. Потом была получасовая летучка, с обсуждением всего на свете, ну и разбор нарядов на работу. К девяти я мчался на лекции. Когда пошли задания в университете, то разбирали их во время летучки, иногда мне даже помогали мастера. Вскоре ко мне привыкли и больше не обращали внимания, споры вновь приняли политический окрас и проявили всю незрелость мышления пролетариата. Сварщик дядя Гена, в революцию был пацаном, носил газеты коммунистов, распространял. Вот этот любил с пеной у рта доказывать что власть..., ну не правильная. Все воруют, нагло в глаза врут, берут взятки и вообще всех надо расстрелять.

– Проститутка ваш Керенский! Пришли бы коммунисты к власти, не было бы такого! Сколько народу положили в войну!!! Больше трех миллионов!!! Да у Гитлера в армии столько солдат не было! Значит командиры купили погоны, а сами людей на танки с лопатками бросали!

Объяснять Гене что-либо было бесполезно. Его объемный живот только колыхался в такт его крикам, так что все уже давно махнули на него рукой. Не гнали с посиделок лишь по тому, что частенько он рассказывал всякие прикольные истории, вроде как с ним приключившиеся. В общем утром я

как бы участвовал в политической информации наоборот, с обратным знаком от того, что нам говорили на политических собраниях по четвергам. Собрания вели по очереди профорг с парторгом и там Геннадий сидел тихо.

Я тоже старался профоргу глаза не мозолить. Он все время хотел загнать меня в профсоюз, а я всячески уклонялся. Сначала мне повезло, восемнадцати не было, а теперь надо бегать, семь рублей деньги приличные! Пять процентов в месяц за что? Ну, не сознательный я, каюсь! Я лучше эти деньги потрачу, чем помашу им ручкой. Ладно, не о том речь.

Занятия фехтованием пришлось перенести на единственный выходной, но Николай Семенович требовал продолжения тренировок. Объяснять зачем, он не хотел, сразу переводил тему на проявления силы. Все время требовал наблюдать и запоминать. Даже когда в лаборатории работали на поминал.

глава вторая

После первой сессии меня вызвали в деканат и представили молодого, серьезного мужчину.

– Авдей Зигмундович Денин, капитан.– Улыбка до ушей, вид своего парня и старшего наставника.– Ваш куратор.

Кто в детстве не смотрел кино про разведчиков? Где наши именно разведчики, а враги шпионы. Наверняка каждый пацан мечтал стать настоящим разведчиком, гордо смотреть нацистским палачам в их садистские рожи и твердо говорить нет на все вопросы! Чуть позже из взрослого мира приходит опасение или даже страх перед органами, но ореол таинственности еще притягателен. Мальчики знакомятся с участковыми, некоторые с детской комнатой полиции, кто-то и с отделением, но все еще остается мечта о особом отделе...

Особое отделение всегда стояло выше министерства внутренних дел, даже звания свои сохранили с царских времен без изменений. Лейтенант, капитан, майор, полковник и генерал, вместо младших, старших и командиров соединений в армии и полиции. Так что передо мной сидел офицер в чине выше чем у того же Пожарского. Божественный! Как не старорежимно это выражение, но именно небожитель спустился со своего Олимпа ко мне грешному. Что надо сделать? Убить, сбежавшего на запад, преступника? Отдать кровь по капле ради нашего вождя Керенского? Я готов!!!

– Петр Владимирович! У нас не так много времени, поэтому буду краток. Партийная ячейка охарактеризовала вас как умного, честного и преданного социализму. Вы должны подробно докладывать обо всех, подчеркну, обо всех разговорах, слухах, настроениях в вашей учебной группе и конструкторском бюро. Я зачисляю вас во внештатные сотрудники, для чего вы сейчас напишите заявление.

По мере того как он говорил, до меня постепенно доходило что он от меня хочет. Стучать... Барабанить, сливать тех кто рядом... Мы дворянские дети с детства во дворах получили науку, доносчику первый кнут! С блатными можно было говорить либо по понятиям, либо силой, а по понятиям дятлов режут. Ох уж это впитанное с детства правило, не верь, не бойся, не проси... Не знаю почему это получилось, как-то само, я кинул открытку. Радиоволны несут информацию, но иногда не нужно чтобы ее знали посторонние. Для этого наша служба в войну связь закрывала, налагали шум. Собственной силой закрывали. Закрытую передачу открывали, это и называли кинуть открытку, открыть смысл передачи. Вот сейчас я проделал тоже самое, но с человеком. Он говорил свой текст, а я сквозь него слышал совершенно другое. Даже то, что это очень напоминало телепатию, не улучшило моего состояния.

– Ты сопляк мне и на фиг не нужен, Можайского бы зацепить. Может из тебя и выйдет барабан, но ты ведь и так замазан, так что ты просто расходный материал, мелочь.

Упасть с Олимпа ожиданий в действительность, да еще всей мордой в дерьмо, это было отрезвляюще. Сначала хотел просто послать, затем немного подумал и решил сыграть в чужую игру по своим правилам. Страх навалился душной волной от понимания последствий, но вместе с этим появилась злость. Нет, ярость! Меня бросило в жар, но я заставил себя успокоиться.

– Прошу прощения товарищ капитан. Согласно статьи пятьдесят восемь, пункт пять, разглашение сведений о секретном бюро где я работаю карается смертной казнью или двадцатью пятью годами лишения свободы. Мне видится лишь два способа обойти эту проблему.— Давай рыбка, такая наживка перед носом у тебя!

– Интересно какие?— Капитан слегка обескуражен, чего это пацан артачится?

– Первый думается самый простой. Ваше имя появляется в списке доступа. Тогда я могу рассказывать вам все что заинтересует. Второй сложнее. Мне каким-то образом придется стать штатным сотрудником отделения и получить письменное задание.— Я не удержался и выдал посыл. Мы так текст заучивали на службе, вообще-то нарушение, но зато я и сейчас могу слово в слово все вспомнить. Что сработало, упоминание статьи или посыл, но капитан пробормотал, что так и правда будет лучше и стал собираться. Он вышел какой-то потерянный и я принял это на свой счет, ну потому что отказался стукачем стать. Я сидел в кабинете с ошуще-

нием осужденного на расстрел. Приговор объявлен, осталось только дату исполнения заполнить. Наверное мой вид был настолько красноречив, что наш декан молча открыл сейф и достал бутылку коньяка. Налил, подвинул мне рюмку, потом налил себе и быстро выпил не закусывая. Мне же в голову пришла идиотская мысль. Коньяк напиток благородный, так его пить нельзя...

– Петр. Вы что-то подписали? Не смотрите на меня так! Два проявления за несколько минут! Что я должен думать?– Он снова потянулся к бутылке, потом досадливо скривился.– Я потребую смены куратора. Вы ведь только что нашли выход, который я не увидел в свое время.

Декан опередил мою руку и схватил рюмочку, опрокинув ее в рот.

– Спиртное магам противопоказано! Особенно начинающим!

Я тихо прикрыл дверь, неужели и его тоже заставили что-то подобное подписать? Какой же выход я нашел? Точно не в коньяке, я ведь и попробовать не успел.

Мой рассказ Николай Семенович выслушал молча до последнего слова. Потом поднялся и прошелся скольльзящей походкой фехтовальщика из конца в конец. Поставил на плитку чайник и наконец сказал.

– Это было не очень разумно, но правильно. Не надо давать на себя давить, но находить точки соприкосновения с властью придется. Курировать таких как мы могут только

хоть что-то в этом понимающие. Именно поэтому этот институт и создан. Теперь проведи экстраполяции и дай анализ на, скажем, следующий год.

– Э, что?!– Я ожидал чего угодно, но только не этой заумной задачи.– Ну... Для начала уточним период времени. От текущей даты или по календарным значениям?

– Время на обдумывание у тебя уже было, так что не стоит прибегать к недобросовестным трюкам.

Вот же! Время у меня было. Да я еле до трамвая дошел, чтобы на работу приехать! Чуть наряд не забрал, еле отбрехался. Хорошо коньяка не досталось, а то с запахом точно забрали бы. Хотя может меня бы раньше отпустило? Меня трясло всего от страха, от ужаса! Я посмел отказать человеку из Особого! Я всю дорогу представлял себе что будет, арест, ссылка, да что угодно! Время подумать, вообще-то да, время подумать было. Правда мысли какие-то чужие, холодные приходили, не похожие на тот горячечный бред страшилок, что я представлял.

– Простите.– Я не утерпел и вскочил, подражая князю.– Исходя из произошедшего, могу предположить, что в особом отделе нет единого мнения по нашей тематике. Иначе не придали бы факультету куратора не знакомого с контингентом.

– Поясни.– Николай Семенович налил чай по чашкам и указал на стул.

– Я ведь был согласен работать на особый отдел. Если

бы мне правильно предложили, то все было бы с точностью до наоборот! Этот действовал нахрапом, а с дворянами так нельзя!

– Вот как? С остальными значит можно?– Мой собеседник горько усмехнулся.

– Нет, ну я не то имел в виду...– Этот пассаж выбил меня из колеи.– Я только за то, что действовал он не правильно по отношению ко мне.

– Хорошо Петя, давай дальше.

– Дальше... Черт!!! Я понял! Вот какой выход имел ввиду Аркадий Исаич! Все правильно! Этого куратора и послали, чтобы он провалился! Именно так те, кто решили создать наш факультет, доказали правильность этого решения!

Я замолчал, пытаюсь осознать открывшееся. Значит, значит не будет репрессий и гонений? Я расцвел, даже заулыбался, а потом об голову постучала другая мысль. Ничего ведь не закончилось, теперь будет ответная реакция и понять какая не трудно.

– Николай Семенович! У вас ведь есть ну... знакомый из особого отделения.

– Петя. Из конторы выхода не бывает. Там увольняются только ногами вперед.

– Да?! Вы ведь сами меня втянули во в... Простите Николай Семенович. – Я вдруг успокоился. Сила стала для меня как ледяное спокойствие. Меня трясло от страха, потом в бешенство кинуло и вдруг я стал спокоен и холоден. Ее мысли

были как твердые камни среди болота, давали опору и спокойствие. Только это спокойствие ледяного клинка, блин...
– Вот почему вы так меня на фехтовании!

– Что ты решил, Петр Владимирович? Четко и с обоснованием.

– Решил быть полезным своей стране. Так, как могу и с полной отдачей. Раз могу контактировать с силой, значит этим способом. Готов работать под вашим руководством где скажете.

– Детские слова. Служить Родине надо не по призванию, а потому что не можешь по другому. Ладно...– Он достал чернильницу с ручкой и бумагу.– Пиши.

глава третья

После первой сессии наши три группы перетасовали, отделив одну из двадцати трех человек. Наша третья бис теперь кроме общего расписания получила дополнительное, под расписку о неразглашении. Дополнительная пара, а то и две сильно усложнили мою трудовую деятельность, я даже стал опасаться увольнения. Можайский только усмехался и советовал не забивать голову ерундой, там места для нужного и так не хватает.

Первая спец пара прошла буднично. Тестирование, знакомство с индивидуальными особенностями, в общем знакомое по армейским будням. Потом пошли знакомые проявления все из той же армейской практики. Мне даже пришлось поспорить с преподавателем, пытавшемся показать воздействие по устаревшей еще до первой войны методике. Она безопасна и требует минимума концентрации, но практически бесполезна для слабых операторов. Старичок Авдей Митрофанович Быстрицкий был преподавателем воздействий еще при царе и прекрасно помнил Можайского. Именно из-за упоминания имени князя мне позволили продемонстрировать наш армейский метод. В общем старичок передал здравицу Можайскому, а меня определил в козлы отпущения. Теперь все объяснения и опыты он проводил на мне. Был в этом и плюс конечно, все новые воздействия объ-

яснял тоже мне, пока у меня не получалось.

Раз в неделю была вторая дополнительная пара. На ней мы разбирали воздействия на биологические образцы. Клеточные, тканевые, органные, соматические. Даже мышей в клетках приносили, не говоря о дождевых червях. Дополнительные занятия во многом повторяли обязательные, но несколько с другой стороны подход был. Клара Йовович, биолог и наш преподаватель второй спец пары, была довольно красивой женщиной и мы частенько замечали некоторых преподавателей у ее лаборатории. Девчонки во всю обсуждали уйдет ли она в декрет и когда, а пацаны лишь завидовали более взрослым преподавателям. Как-то тема личной жизни нашей Клары объединила группу, мы всерьез обсуждали достоинства и недостатки того или иного кандидата в женихи. Строили планы устройства ее личной жизни... Представляете наши морды лица, когда в один из пасмурных майских дней в нашей аудитории зазвонил телефон и Кларочка опрومتью бросилась на вахту. Аудитория была в закрытой секции и проход был по еще одному пропуску, поэтому телефон был насущной необходимостью. Вот и представьте, идет мелкий дождь, наша Кларочка вылетает на крыльцо в одной кофточке и бежит на встречу какому-то мужику в кожаном плаще. Мы сидим в открытых настежь окнах и смотрим как они целуются, у всего факультета на виду целуются!

– Мальчики!– Наша староста Аня Уфимцева стала отгонять всех от окон.– Нечего пялиться на чужое счастье! Кла-

рочка какую тему дала? Вот и работаем!

Мы ведь преподавателя нашего так и называли, Кларочка. Любовь она такая, даже если это любовь к преподавателю.

Курсовую сдавали наравне с остальными группами, из отличий было только присутствие двух наших преподавателей на всех экзаменах. Впереди было два месяца каникул, летних! Мне правда пока не удалось договориться взять отпуск, но надежды не терял. Одиннадцать наших девчонок разъехались, пятерка друзей со двора за этот год тоже куда-то делись, так что оказался я один и свободен. Работа в первую смену, вечера свободны, рядом клуб с танцами и Николай Семенович. Он прямо заявил, что эти два месяца мне придется потратить на него. Нет, сказал он наоборот! Что он потратит, но по факту ведь трачу время я!!!

Вот за что мне такое счастье? Через месяц постоянных тренировок этот маньяк воткнул мне шпагу в грудь!!! Причем не спортивную и не случайно!!! Шпага была старинная, с вензелями и гербами, да еще тускло переливалась. Он просто вызвал меня на бой и, недолго думая, нанес удар.

Вас когданибудь било током? Не батарейку на язык, а серьезно, до дыма из ушей? Меня ударило... Этот, этот не знаю кто, стоит надо мной, бормочет что-то, закрыв глаза, и режет свою ладонь той же шпагой! Потом спокойненько так ткнул меня в другую сторону груди. Стоит и улыбается, маньяк!

– Петя. Ты хотел отпуск? За неделю до начала занятий выйдешь на работу, а сейчас отдыхай.

– Я... Я уволюсь... Брошу этот...

– Ну вот, а кто-то говорил готов служить под вашим руководством.— Князь тяжело выпрямился, я вдруг увидел как он стар. Ему ведь точно за шестьдесят!— Ты должен выдержать. Не сдавайся, все не такое черное, совсем наоборот! Мир чудесен, светел и прекрасен, и в нем есть для чего жить! Помни об этом, ученик...

Раны оказались не столь глубоки как мне показалось, через три дня я уже снял повязки и обходился пластырем. Вот только раны оказались в душе. Обида на Можайского, на судьбу, на страну, где цвет нации признали бракованными людьми, на весь мир переполняла меня. Постепенно я потерял сон, меня все раздражало, яркое солнце, пасмурное небо, крики соседей по коммуналке, тишина отцовской квартиры, все! Наконец усталость заставила меня забыться тревожным сном...

– Ну, че лошара! Расписных кинуть решил?

Их было трое и я знал, что теперь мне не сбежать. От страха тряслись колени, пальцы онемели и не попадали в карман куртки. Там мой последний шанс, деньги что взял с последнего дела. Надо отдать и тогда...

– Передавай привет, баклан...

Перед глазами еще блестел росчерк ножа, а тело уже немело, горло булькало и не давало вдохнуть. Земля понеслась навстречу... Как страшно, мама... Последние звуки, удаляющихся голосов и тьма...

Я вскинулся на постели и схватился за горло. Что это было? Я ведь чувствовал, видел их. Они были настоящие, живые, а я, я там умер, убит! Почему, за что? Кипящий разум охладила ледяная мысль, струсил. Струсил! Струсил!!!

Сны. Теперь сны приходили ко мне все время, стоило закрыть глаза. Ужасные, тошнотворно достоверные, я помнил их до каждой черточки и могу только подтвердить, что они были полностью реальны. Меня убивали. За несколько дней я пережил столько собственных смертей, что страх пропитал меня насквозь. Я стал экспертом по страху, различал все оттенки и подтексты его проявлений, и познал Его! Ужас смерти... Я кусался, боролся и отстреливался, подкупал, предавал, был готов на все, лишь бы не столкнуться с Ним! Этот ужас разъедал меня изнутри, он уничтожал все, окружающее, меня самого, весь мир! Сам себе я напоминал тень, робко выглядывающую из под старого дивана, в надежде что лампа не загорится. Единственное, что у меня осталось, это попытка отгородиться и представлять другой мир. Мир где нет страха смерти...

Яркое солнце опаляло спины рабов, тянущих неуклюжий плуг. Надсмотрщик, тоже раб, хлестал плетью, вымещая свое отчаянье на тех кто ниже. Его спина тоже была изорвана в клочья, рабом, стоящим выше. От дикости происходящего я выпрямился и плуг встал. Тут же посыпались удары, но крайний успел подхватить камень и врезать по голове надсмотрщика. Восстание?! Угу, как бы не так... Подхва-

тив плеть, новый надсмотрщик загнал нового пахаря в ярмо, щелкнул бич... Я же видел как разлетелась голова! Как это может быть?

– Чего отлыниваешь?– Новый тягловый по привычке попытался командовать.

– Вас же убили! Я сам видел.

– Нет здесь смерти! Нет свободы...– С тоской пробормотал он.– Нет.

Смерть свобода?! Видение рассыпалось, а я уставился на собственные дрожащие пальцы. Смерть свобода? Ужас, ломающий волю, заставляющий людей предавать, это свобода? Чего же я боюсь? Боялся! Жизни? Ведь так и получается! Жить в мучениях, без возможности что-то изменить, это ужас! Почему же мы так к ней относимся? Мы не знаем что там, боимся неизвестности. Нелепо! Бояться неизвестного больше чем невыносимых страданий? Особенно если ты в любой момент можешь от них освободиться? Неужели все так просто? Всегда есть выход? Вот о чем говорил отец! Он как-то рассказал странную притчу, тогда она мне показалась странной, о враче и смерти. „Врач встретил смерть и стал ругаться, что та не справедлива. Она же только рассмеялась и сказала, что даже к врачу, ее лучшему другу она не может быть справедлива, так как совершенно не знает о таком понятии. Врач возмутился, что его назвали лучшим другом, а не помогают, на что ему ответил ласковый женский голос. Я не мешаю тебе бороться, пока не коснусь, цени!“

Никто не мешает тебе бороться, пока ты жив. Загнанный в угол, ты все равно можешь освободиться умерев, но никто не отнимет у тебя возможность бороться до конца. Чего же тогда бояться? За родных, друзей, любимых? Конечно! Но даже у них останется свобода умереть...

Сон, спокойный, глубокий сон унес меня в страну грез и проснулся я в отличном настроении, только зверски голодный! Шатаясь, выполз из своей комнаты и поплелся в ванную.

– Петечка!!!– Голос тети и мягкие теплые руки обняли меня.– Я так волновалась, думала с ума сойду! Как ты? Выздоровел?

– Да все хорошо тетя. Голодный только, как будто неделю не ел!

Тетя внезапно разрыдалась, уткнувшись мне в грудь.

– Здоров ты дурака валять! – Голос Николая Семеновича был полной неожиданностью.– Две недели тут тебя бульоном отпаивали, а он голодный!

– Вы?– Я вдруг отчетливо вспомнил слова, которые он говорил тогда. Ткнул меня шпагой в грудь и произнес, я повторил.– Даю дорогу силе. Даю дорогу свободе. Я понял Николай Семенович.

– Опять?! Не смей при мне про ваши мерзкие штуки!– Тетушка вновь зарыдала.

Спокойно поговорить мы смогли дня через три. Это Можайский меня на квартиру привез, я даже не помню когда это

было. Две недели ухаживал за мной и не давал тете вызвать доктора. Переволновался правда, срок вышел, а я все еще в своем бреду был, но утром вместо доктора появился я сам.

– Петр. Я должен извиниться, что не предупредил, но ты бы все равно не поверил. Я сам не верил, хотя меня готовили с детства. Ты знаешь, у меня никого нет из родных. Мой род прервется на мне, сын и племянник погибли, других детей уже поздно... Это наше, родовое знание и я не хочу, чтобы оно исчезло как я. Первая инициация, то что ты пережил слава Богу, происходит с помощью яда. Состав у него такой, что вызывает потаенные страхи, справиться с которыми пока действует яд не возможно. Действует он, как ты догадался десять суток. После тринадцатых суток ученик должен очнуться или сойдет с ума, вот так. Ты очнулся на четырнадцатые...

– Вы сказали первая? Должны быть и другие, зачем?– Пережить снова тот ужас? Не дай Бог!

– Страх лишь указатель опасности, ты это уже понял или скоро поймешь, это для тебя теперь просто. Есть же вещи посерьезнее страха. Мне очень жаль, но я смогу провести тебя только через вторую, так уж сложилось. Воин должен смиренно принимать то, что любой бой может быть последним. Именно в этом смирение воина. Яростно драться с полной отдачей и до последнего вздоха, наслаждение воина. – Он вдруг осекся и отвернулся.– Я заболтался, прости старика.

Я словно впервые увидел князя Можайского, одинокий

старик, коротающий свою жизнь в воспоминаниях молодости. Седые волосы, поддрагивающие сухие пальцы, сторбленная спина... Чего?! Когда это у князя была спина согнута?

– Николай Семенович! Не знал что вы актер! Как вы меня? Заболтался, старик...

Вот это снова Мой Николай Семенович! Кавалергард! Он легко встал и напомнил о тренировке с утра! Блин! Язык себе что ли отрезать? Завтра рано утром Любочка должна из деревни вернуться! Думал встречу, потом в сад, может...

– Петр Владимирович. У вас всего три недели до начала занятий в институте! Будьте любезны подготовиться!

На первую пару наша староста Анечка принесла новое расписание, пока мы обсуждали и переписывали, появился крепкий мужчина лет сорока в сопровождении декана. Декан пожал руку мужчине, хмуро поприветствовал вставший народ и ушел.

– Давайте знакомиться. Иванихин Олег Иванович. Буду вести у вас полевую практику. Это всего раз в месяц, так что не переживайте.– Он быстро сверился со списком.– Сейчас проведем как раз одну. Выходим на задний двор, там автобус.

Загородный аэродром встретил нас клубами пыли и улыбкой часового. Улыбался он конечно девушкам, но и нам приятно увидеть улыбку до ушей! Нас привели в какую-то кладовку и выдали комбинезоны неопределенно зеленоватого цвета. Еще старые кирзовые сапоги и двухметровый шнур.

– Расписываемся!– По выражению лица можно было сразу сказать что это прапорщик.– Не дай вам Бог... В общем я предупредил, стирать еще за вами...

В унылых комбинезонах с подвязанными к поясу сапогами мы выглядели довольно оригинально, так что встретили улыбающегося Иванихина угрюмо.

– Нам вон туда!– Он махнул рукой на летное поле.– Бегом марш!

Это он зря... Девочки такой хай устроили, что наш командир поспешил исчезнуть. Нашу не стройную колонну встретил еще один улыбающийся субъект.

– Где ты таких орлов нашел? Ничего, скоро полетят!– Он обернулся к Иванихину.– Сейчас вывозные подойдут и начнем.

Старенький Ли два потащил нашу восьмерку в небо. Я сидел на металлической скамейке и до сих пор не мог поверить в происходящее. Нас просто одели в парашюты, натянули на головы шлемы и запихнули в самолет! Начальство удостоило нас всего лишь одной фразы.

– Зачет получит лишь прыгнувший с парашютом, живой или мертвый.

На стене впереди загорелось табло, пристегнуться. Куда? Кому? Чем?! Из кабины появился крепкий мужик и начал вытаскивать у нас из-за спины длинные фалы с карабинами. Защелкивал их на проволоке под потолком и хлопал по плечу. Неспешно закончив с нами, показал большой палец про-

тивноположному борту и ушел в кабину. Я только сейчас обратил внимание, что напротив нас сидят девушки. Веселые девушки с немного другими парашютами и они показывают на нас пальцами?! Это они с меня так угорают? Наверняка ведь этот проклятый комбинезон расстегнулся на самом интересном месте! Черт! Быстро стал проверять пуговицы, швы, складки, ремни и карабины. Вроде все культурно, все заправлено... Да чего вы ржете? Страху не осталось, от злости что надо мной смеются я решил сказать какую-нибудь гадость, но в салоне стоял такой грохот! Ладно, мы сейчас с пацанами вместе что-нибудь крикнем! Я повернулся к соседу...

Когда внимательно начинаешь рассматривать череп, то глазницы кажутся слегка квадратными. Теперь я понял почему. Потому что глаза квадратные!!! На меня смотрели квадратные глаза соседа! Покрасневший белок глаза прекрасно оттенялся зеленоватой кожей лица, а мелко вибрирующая нижняя челюсть навевала мысль о псалме Господи помилуй. Я перегнулся и посмотрел на остальных. Неужели мы все так выглядим? Блин... Меня пробило на ха-ха. Вот бы сфотографировать! Да за такой снимок убить могут! Я посмотрел на девчонок напротив и состроил рожу с выпученными глазами, потом показал два больших пальца и заржал. Если бы шоу закончилось на этом, это все равно было бы незабываемо. Но шоу продолжилось.

Появился давешний тип, теперь правда с парашютом. Он

прошел к люку, раскрыл его, перекрестился и прицепил свой карабин на стенку. Загорелось табло и мужик поманил первого к себе, ласково так, с улыбкой. Ничего не подозревающий парень встал, тут же получил пинок в живот и второй под зад. Мелькнули сапоги и от парня остался только пристяжной фал. Второго уже не звали. Схватив упирающегося пацана за шлем, мужик резко дернул и проводил тело пинком под зад. Третий сполз на пол, но был схвачен за сапоги и умело перевернут на живот. Стоило бедняге подняться на карачки, как последовал традиционный пинок в зад! Четвертым оказался смелый мужчина, который встал и с гордым видом показал, что он сам! Вот только пригибаться надо сильнее! С разбегу впечатавшись шлемом в верхний край люка он упал на задницу. Мотая головой пополз к люку, и пинок получил как жест бескорыстной помощи. Меня от этой картины просто плющило! Так не бывает!!! Не может человек, уже вроде выпавший за борт, так схватиться за лямки выпускающего, что чуть не утащил его с собой! Теперь я понял от чего он крестился и почему пристегнулся к стене, а не к тросу как остальные. Настал мой черед, мысли заметались и пропали. В звенящей пустоте я почувствовал как мое тело резко сгибается и получает благословение пинком в зад. Я увидел цветущую землю, небо и улетающий самолет, опять землю, снова небо, удар и надо мной с хлопком распахнулся купол. Меня в этот момент заинтересовала одна странность, что такое круглое расположено в ряд подо мной? Ма-

ма!!! Подсолнухи!!! Кто собирал семечку, тот знает коварство этого растения! Ободранный, весь в семенах и сухих листьях, обалдевший от того, что я на земле, вдруг получаю пинок по многострадальному заду. Слава Богу не ногой, а запаской! Вокруг суетятся девчонки парашютистки, стаскивают купол с подсолнечника, освобождают меня от подвесной, смеются... Счастье накрывает меня с головой и я падаю, и смеюсь, глядя в небо! Иванихин проводил свои испытания раз в месяц. После прыжков нас осталось двадцать, три парня отказалось, я сначала не поверил, думал девчонки по слабее будут, оказалось правда. Потом повез нас на полосу препятствий с пулеметом. Если бы я не увидел мельком из автобуса пулемет на станке и отражатели, то поверил бы, что стреляют именно по нам. Страшно было все равно! Грохот длинных очередей, звон попаданий и визг рикошетов! Да еще пули падающие сверху! Горячие пули! Тут сдалась пара девушек, одной пуля упала за шиворот и она завизжала, и лежала свернувшись, пока не дали отбой огню. Ну, а второй хватило примера. Потом нас обкатывали танками... Я хоть и успел на войне побывать, танка до этого не видел. Монстр!!! Грохот дизеля, лязг гусениц, да еще добрый Иванихин!

– Внимательно следите куда он едет! Глаза не закрывать, вдруг он повернет куда? Водителю в танке все равно не видно, что у него под гусеницами, так что не зевайте!

Перед зимней сессией прошли контрольную проверку. Со слов Иванихина. Знакомый до последней вмятины автобус

везет нас по слякоти за город. Только бы не копать или бродить в мокром лесу!

Кто бывал в тюрьме сразу определит когда и где она начинается. По воздуху, какому-то напряжению, по свету солнца, по потекам на стенах. От этой несло смертью. Знакомый леденящий ужас касался моего сознания, но я прекрасно осознавал, что это не мой страх. Липкие волны облепляли казалось все вокруг и я увидел как побледнели мои сокурсники. Сжались и стали ближе друг к другу, как бы защищаясь от этого страха. Я даже цвет его увидел, грязно желтый. Наш проводник в это царство ужаса казалось расцвел. Он наслаждался этим воздухом, этим отчаяньем, хотя это могло и показаться на фоне одноклассников.

– Вижу ты готов приступить, фамилия?– Черт! Надо было как все в кучу сбиться, теперь расхлебывай.– Быстрее курсант!

– Шуйский Петр Владимирович.

В камеру мы вошли втроем, конвоир, я и Иванихин. На лежаке лежал связанный по рукам и ногам человек с кляпом во рту. При нашем появлении послышался мерзкий запах и закапало с нар. Человек мелко трясся от ужаса.

– Задача. Убить объект без проявления силы. Выполнять.

Убить? Вот это беззащитное существо, обгадившееся от страха? Вот же...

– Задача не выполняма. – Я брезгливо отодвинулся от растекающейся лужи.

– Отказываетесь?– Мои слова даже обрадовали казалось Иванихина.

– Сама смерть проявление силы, так что условие задано не верно.

– Да?! Вы должны убить этого человека не применяя аспект, так корректно?– Он явно рассчитывал произвести впечатление этим корректно. На кого?

Я пережил столько смертей в своих ужасах, таким разнообразием способов, что даже задумался. Потом наклонился к уху жертвы и прошептал.

– Ты свободен.

Резкий удар ребром ладони и шея хрустнула.

– Ну, что же, зачет.– Иванихин записал в книжечку и бросил, выходя.– Ждите здесь курсант, закрывай.

Сидеть на одних нарах с вонючим трупом, да еще собственноручно убитом, наверное это был еще один способ что-то проверить. Я же пытался анализировать полученный урок или полевые испытания, как там оно в расписании? То, что нас готовят к боевому применению понятно. Тут одних боевых дисциплин хватает. Зачем такая жесть с убийством? Хотят отсеять тех кто не способен убить? Зачем оставили меня в камере? Чтобы не знал результатов остальных? Зачем? Разобщить, посадить каждого на свой крючок и манипулировать? Похоже, но остается один вопрос, зачем? Мне даже в голову почему-то не пришло, что я совершаю преступление! Вот и все! Простой и столько раз читаный в книжках способ

повязать кровью. По коридору покатали тачку с баландой, обед? Сколько я уже здесь сижу?

– Эй, там! Позовите Иванихина!– Я мысленно пооплодировал новому преподавателю. Отличный ход!– Охрана!

Естественно на мои крики никто не реагировал. Ну и ладно, сценарий вроде понятен. Убийство при свидетеле, я уже в камере, сейчас должен довести себя до истерики и можно брать тепленьким. Что я могу? Сидеть и ждать? Дождусь второй части сценария, по жестче. Так что делать? Я ведь кто? Вот то-то!

Истерично вопить и при этом не сорвать голос, задача не из легких. Помогли звуки борьбы и треск нар, да звериное рычание. Мое сражение с восставшим мертвецом было шумным, так что охрана среагировала. Стоило открыться двери на каких-то пятюк сантиметров, как зомби с рычанием оттолкнул охранника. Руки трупа сомкнулись на шее визжащего вертухая и тот рухнул на спину. Естественно зомби упал сверху, куда ему деваться? Дубинки молотили труп, превращая его в котлету, я уже не визжал, криков хватало, охрана стекалась со всех концов на концерт.

– Прекратить! Что здесь происходит?– На площадке появилась фигура. Явно не пешка, покрупнее.– Что с заключенным? Поднять его! Мертв?! Кто его?

Потом извлекли мою тушку, перепуганную, помятую и бормочущую какой-то бред о спятившем заключенном. Потом появляется Иванихин, перешептывается с фигурой и ме-

ня провожают на выход.

– Зачет курсант.– Преподаватель улыбается и хлопает по плечу.– Сегодня свободен. Идите, автобуса не будет.

Идите... После того как управлял трупом не идти хочется, а лечь и сдохнуть! Конечно я не поднимал зомби, это до смертной казни, между прочим! Что я идиот оказаться с неуспокоенным в одном, да еще закрытом помещении? Так что пришлось за двоих отыгрывать, силой заставляя мертвое тело двигаться. Блин! Ну где эта остановка?!

глава четвертая

В конце января умер Николай Семенович. Умер из-за меня... Вроде что такого в смерти пожилого человека? Тем более для того кто пережил сотни убийств и собственных смертей, пусть и в реальных до ужаса снах? Вот только его смерть выбила меня из состояния юношеского восторга жизнью. Вторая инициация забрала у него столько сил, что наставник слег и через три дня ушел.

Черная полоса на этом не закончилась. Новый завлаб потребовал соблюдать рабочий график или увольняться, так что вместе с работой я потерял и комнату в рабочем общежитии. В университете мне в койке отказали, пришлось возвращаться к тетушке и ее французскому. Впервые у меня заболело сердце, боль растекалась от укола, оставленного шпагой Николая Сергеевича, в солнечное сплетение. Пульсирующая и разрывающая все тело на части, она приходила внезапно, заставляя меркнуть свет и противореча словам наставника.

– Указую путь свету!– С этими словами шпага проткнула меня почти насквозь.

Не похоже это на свет, дорогой мой наставник, не похоже...

Группа наша, в составе одиннадцати человек, семи девушек и четырех юношей, переехала в другой корпус университета. Вот чего не ожидал, так это что столько пацанов не

пройдут последнюю проверку. Убить конечно не легко, сделать выбор, жить ему или нет, это огромный груз на совесть. Вот только я видел его глаза! Он не смерти боялся, боялся, что его продолжат мучить, раз за разом заставляя молить о смерти. Так что пусть руки мои в крови и на сердце тяжело, но я сделал правильно. Не знаю как там у девчонок было, не спрашивал и не собираюсь, но отношение друг к другу поменялось. Я им верить стал, спину доверять.

До конца курса Иванихин не появлялся, да и времени на его эксперименты у нас не оставалось. Нам стали прямо запихивать самые разные практики, самых разных направлений. Раньше мы все по проявлениям природных сил специализировались, а тут и шаманство, и Вуду с йогой, китайская гимнастика и японский меч! Информация вливалась полной рекой и я даже не представлял как мы все это на экзаменах сдавать будем?

Вот только экзаменов не было. Вместо этого нас по одному водили на собеседование. Собеседование с очень странным гражданином. Не товарищем, а именно гражданином, поскольку тот был подчеркнуто штатский. Как бы не генерал из особого...

Прочитав тоненькую папочку, и сделав вид, что только что получил мое досье, гражданин нажал кнопку на столе.

— Два чая с лимоном, вам сколько сахара?— Увидев мой обалделый взгляд, улыбнулся.— Молодежи сахар полезен, не стесняйтесь.

Элегантная девушка в облегающем платье принесла поднос с чаем и присела в книксене. Отослав ее жестом, гражданин налил немного чаю в маленькую чашку.

– Прошу. Китайский молочный, мой выбор не слишком вас шокирует?

– Спасибо!– Я принюхался, затем попробовал.– Не дурно. Заваривал правда не китаец, они нотку горечи не любят, скорее японец.

– Какие сны вы видите в последнее время? – Любят эти дяди пользоваться такими приемами. Вроде готов и ждешь, а все равно сбивает, то чай другой, то вопрос.

– Последние полгода никакие. Либо не помню. Проваливаюсь как в темную яму, свет выключили, потом включили.

– Кого из девушек в группе предпочитаете? Кто ближе?

– Мы друзья, близких отношений у нас нет, но мы друзья. Так что нет предпочтений.

Конечно я врал. Была, была одна заноза. Рыжая Вера Зайцева. Мы все ее Рыжей звали, привыкли, да и она вроде не обижалась. Зеленые глазищи, про фигуру можно не говорить, мастер спорта по гимнастике! Аристократическое лицо с настолько правильными чертами, что не влюбиться не возможно. Вся наша группа к ней по очереди подкатывала с приглашениями, да с цветами с конфетами. Мне она мило улыбнулась и чмокнула в щечку, тебе Петя еще повзрослеть надо, а за шоколад спасибо! Так что, вот так...

– Хотите отправиться в путешествие? Чужие страны, при-

ключения? Вы же молоды, вам это должно быть интересно! Согласны?

– Согласен. Разрешите идти?– Я вскочил по стойке смирно.

– Ладно уж, идите...

Приступ скрутил меня уже за порогом кабинета, я рухнул на стул и прикрыл глаза...

Потертая португеза не скрипнула, когда я тт из сумки потянул. Этот фокус мне наш капитан показал. Где оружие у офицера? В кобуре, вот и следит враг за ней, а я пистолетик в сумочку офицерскую, мол документы достаю. Эту пару я больше часа веду, но видно где-то срисовали. Переулок глухой, а я один. Они меня под видом патруля решили остановить, как будто я личный состав комендатуры в лицо не помню. Да за пол дня как сфотографировал всех! Правой рукой достаю книжку, прикрывая так, чтобы левую не видно было. Протягиваю первому и сразу стреляю, думать некогда, надо живыми брать, а если хоть пару секунд потеряю или уйдут, или исполнять придется. Прицепилось это исполнять, от конторы нахваталась, хотя мы же никого не расстреливаем. Матерые волки! На третьем моем выстреле дальний всадил пулю своему напарнику, прямо в затылок! Да еще успел перекатиться под куст! Я нырнул перекатом под левую руку и сразу ушел влево. У него пистолет в левой, правую за пояс засунул, когда успел сволочь! Моя пуля ему в правое плечо вошла, а он и с левой не промахнулся. Ничего, теперь

главное не дать застрелиться, поэтому опять под левую ныррю, подставляюсь под выстрел. Сдвоенный грохот пистолетов, удар в грудь, меня развернуло, но я еще успел повторить. Вот теперь можешь хоть волком выть, с простреленными руками! Сволочь! Хриплю и тащу индивидуальный пакет, попал все таки, вот сволочь! Топот ног патруля, крики! Давайте, давайте ребята, не дайте гаду с силами собраться!

– Смерш!!! – Хриплю и тычу удостоверением в лицо молоденького солдата.– Ласково с ним, ласково! Он мне живой нужен!

Комендантский патруль уже перевязывает моего шпиона, а надо мной склоняется лицо капитана Сиротина.

– Ну как же так?!– Санитар на него шипит, но капитан опять наклоняется ко мне.– Второго кто исполнил?

– Этот. В затылок, когда я тому в ногу и плечо по пуле отправил. Матерый гад, пришлось подставиться, иначе ушел бы.

– А если бы он не в плечо, а в лоб? Где его тогда искать бы пришлось?

– Так там же кость!!! Их в вервольфе наверно специально учат в лоб смершу не стрелять!

– Раз шутишь значит и допросить сможешь, хватит симулировать!...

Меня трясли за плечо.

– Хватит симулировать! Я же вижу, что ты не спишь!

Надо мной склонилось лицо, женское, знакомое.

– Рыжая. Дай водички, пожалуйста... – Волны адреналина еще гуляли по телу, даже боль от ранения еще ощущалась, больно блин!

– Держи начальник. Цени мою заботу, может зачтешь когда.

– Спасибо Вера. Ты на собеседование?

– Угу. Только не на, а с! Пошли, там тебя все дожидаются, нашего командира.

– С чего это командира? – После ухода старосты командовать никто не рвался.

– С того, что ты единственный кто служил! Вот и назначили.

– Как это? Я почему об этом не знаю?

– Спать меньше надо! – Рыжая подхватила меня под локоток и прижалась поближе. – Начальник! Не губи меня, я тебе пригожусь!

– Злая ты! Уйду я от тебя! – Мы рассмеялись и затопали во двор.

Что самое главное для путешественника? Кто-то вздохнет и скажет что интересный собеседник, другой что возможность отдохнуть, а кто-то, с блеском в глазах, начнет рассуждать о приключениях. Для меня с самого детства, когда родители уезжали надолго по своим врачебным делам, главным было то, что путника ждут дома. Мама так и говорила, жди нас, это самое главное, что ты нас ждешь. Тогда мы обязательно вернемся! Сейчас, в поезде, я с тоской думал о тете,

ведь теперь ей придется меня ждать.

Мы ехали в сибирь. Нет! Нас никто не арестовал, слава Богу. Наша группа, всем составом, была призвана в Народную Социалистическую Армию! Подошел призывной возраст в двадцать один год, и теперь мы военнослужащие дальневосточной армии. Удивляться тут собственно нечему, после смерти Николая Семеновича все пошло на перекося. Факультет в конце концов расформировали, две группы третьего курса просто перевели на курс ниже, а остальные начали заново. Нашу же третью бис решили передать воякам. Худо бедно, но плазменный шар на полсотни шагов запускали, да и разряд электричества в пару тысяч вольт могли дать. Куда еще нас убогих? Правда группу не расформировали, меня даже старшим назначили, но приписали на самый дальний восток нашей могучей страны. Вот и едем мы в поезде дальнего следования.

На медкомиссии меня долго вертели, послали даже на новомодный рентгеновский аппарат, очень им мои шрамы не нравились, те что от шпаги. Годным правда признали и поставили аж третью категорию, и это мне, дворянину. Глядишь совсем за человека скоро сойду! Ладно, это от расстройства. Я с дуру поперся в особое отделение, благо недалеко от университета здание было. Дежурный меня вежливо выслушал, нашел куратора нашего учебного заведения и выписал пропуск. Я как фамилию услышал, так и все понял. Капитан Денин! Я поблагодарил и пошел узнавать наш при-

говор. Все было просто, сменилось руководство и мы стали не нужны. Передали в особое отделение военного ведомства, ну а то... В общем подальше от столицы, туманного Петербурга.

В Царицыне к нам в вагон подсел сухонький старичок Иннокентий Самуилович Аршавин. Он скромно занял свое место в купе, попросил чаю и стал знакомиться. Через пол часа вокруг его купе уже собралась вся наша группа, старичок как-то смог заразить всех оптимизмом и жадной деятельностью. Он немного коснулся своей работы, поинтересовался куда и зачем мы направляемся и даже рассказал о природе дальнего востока. Общение продолжилось в вагоне ресторане и после кофе с коньяком старичок выдал предложение.

– Я декан исторического факультета университета Царицына. Мне нужны такие смелые и сплоченные молодые люди на факультет.

– Мы ведь уже военнослужащие. С удовольствием бы доучились, диплом никогда не помешает, но что поделать?

– Ну, вы пока только предписание получили. Я могу посодействовать, но решение нужно именно сейчас, пока не покинули губернию.

В общем среди ночи мы стояли на платформе с названием Улюкай и не могли понять, как мы поддались на это. Иннокентий Самуилович отбил телеграмму прямо с поезда и организовал нашу высадку со скоростью тайфуна. Нам начальник поезда заверил копии телеграммы от самого гене-

рал-губернатора, что мы можем продолжить образование в университете Царицына. В общем выбор между солдатской муштрой и высшим образованием был очевиден и теперь мы ждали что же будет дальше.

– Ну, что ребятки? Изучение истории начинается именно сейчас! В сорока километрах севернее мой раскоп, точнее археологический!

– Когда выдвигаемся? По дороге или по азимуту?– Мы как-то привыкли что приходится преодолевать всякие препятствия, так что готовы были и к маршу.

– Пешком?! Да вы что, сейчас грузовик придет. Я ведь уже не молод господа, простите, конечно граждане, да граждане.

Палаточный лагерь спал спокойным мирным сном, пока наш грузовик не въехал прямо в середину и не за сигналил. Наш старичок и тут развил бурную деятельность, метеором мелькая в самых неожиданных местах. Через десяток минут нас поселили в выделенную палатку, в ней еще оставался сваленный инструмент, но спать уже никто не собирался. Я улучил момент поговорить с шофером и договорился, что он свозит пару наших закупить необходимое. Мы ведь в армию собрались, а там все получили бы бесплатно.

Копать мы умеем, но оказывается не так. Научить правильно, по археологически, копать нас взялась одна из студенток. Оказывается надо не поперек, штык втыкать, а по сантиметру вдоль, слой за слоем. Четыре крепких парня с лопатами заменяют экскаватор, но небольшой. Эту истину

я оценил уже через неделю. Мы копали, наши девчонки работали щетками, очищая кусочки истории, раскоп углублялся. Физический труд выдавил последние капли пессимизма и вскоре мы снова находили время на мелкие шалости. Закопать, точнее внедрить в исторический слой, алюминиевую ложку с кружкой и потом под всеобщее обалдение выкопать? Устроить ночное купание на речке с распитием крепких и не очень напитков? Раскрасить лица студентов помадой и зубной пастой? Ну или встречу с привидениями... В общем в Царицын мы прибыли уже своими людьми с крепкими связями.

Предстояло быстро наверстать упущенное и изучить заданное, к тому же декан озадачил нашу группу, включив ее в состав потока под тем же названием, три бис. Нашу три бис нагрузили до упора, но мы уже привыкли решать наши проблемы сообща. После первой сессии декан подкинул еще одну задачу.

– Петр Владимирович. Как вы посмотрите на то, что дипломная работа будет общая для всей группы? Держите. – Он протянул мне тоненькую папочку. – Доступ в архив я заказал на всю группу, почитайте, обсудите, завтра дадите ответ.

Три комнаты в общежитии, где разместилась наша группа, были пусты. Занятия уже кончились и вроде можно попадать на койки, но я решил собрать всех на природе.

– Петь, давай быстрее! – Серега Быстрицкий сегодня получил замечание и ему предстояло его исправить, так что то-

ропился.— Мы не против твоей паранойи, но время идет.

— Паранойя? Как тебе тема диплома? Да я уже не знаю когда мы сами решения принимали!

— Что тут такого? Мы же все таки три года физику учили!

— Угу. Храм четырех Сил и его культурное влияние, где здесь физика?

— Да ты не понял! Мы учились же всякие влияния рассчитывать, вот и с этим разберемся!

— Это ты не понял! Храм четырех Сил боевой аспект, изучавшийся кавалергардами! Мы его кусочки тоже изучали...

— Это точно?— Рыжая подошла поближе и понизила голос.— Ты точно ничего не путаешь?

— Николай Семенович был кавалергардом. Не думаю, что он так шутил. Так что решаем? Теперь к декану вызвали всю группу. Миловидная секретарь декана как-то даже с уважением посмотрела на нас и подняла телефон.

— Пришли. Все одиннадцать. Хорошо. — Она положила трубку на рычажки и повела нас в кабинет.

Вместо декана нас встречал уже знакомый очень штатский с офицерской выправкой.

— Здравия желаю товарищ генерал! Разрешите занять места?— Как старший группы я принял инициативу переговоров.

— Генерал лейтенант, раз уж вы догадались о звании. Рассаживайтесь курсанты.— Он снова, как в первую встречу, разложил на столе папочки.— Раз все здесь, то решение общее,

я прав Шуйский? Решение продолжить.

– Точно так. Разрешите вопрос?– Дождавшись кивка задал, мучивший меня вопрос.– Зачем такие сложности? Мы ведь все давали согласие, мы же ...

– Петр Владимирович! Вам Зайцева уже советовала, взрослеть пора!– Улыбнувшись моим красным ушам, генерал продолжил.– В газете „Защитник Отечества“ даны некрологи с вашими именами. Стычка с японцами была неожиданной, но молодое пополнение отразило коварное нападение, пожертвовав своими жизнями. Как то так.

У меня в голове стучала по вискам мысль, бедная тетя, бедная моя тетя.

– Здесь. – Он протянул пухлый пакет. – Новые документы, продолжите обучение по ним. Занятия будете проводить в закрытой секции библиотеки, декан должен был предупредить. Не вздумайте завалить обучение по специальности! Как ее там, история? Теперь по существу вопроса. Храм четырех стихий или сил существует в действительности и это серьезная государственная тайна. Поэтому такие методы конспирации. Вам предстоит с ним работать, поэтому нет смысла скрывать от вас основную информацию. Это врата. Врата в миры где можно встретить как друзей, так и врагов. На нашей планете их несколько и это повод регулярно натравливать на нас соседей или амбициозных дебилов, как угодно можно это называть. Конкуренция или желание хапнуть сейчас, а там хоть трава не расти, все это методы на-

ших партнеров, чтоб они ... Антанта пытается сейчас натравить на нас Японию, с Гитлером у них не вышло, но они не унывают. Главное отвлечь нас от работы с вратами. Ну или влезть в долги, попросив помощи хоть у Антанты, хоть из-за Врат. Дегенерат Николай угробил в первой войне практически весь состав кавалергардов, самых подготовленных к проходу Врат людей. Россия потеряла рынок технологий, просто дав умереть трем десяткам людей. Ваша группа осталась единственной, за последние два десятка лет, с которой не произошли досадные, но от того не менее смертельные случайности. Что могу с прискорбием сообщить и о ваших конкурниках, отсеянных из группы. Из них формировали группы прикрытия и продолжали обучать, но... Не думайте, что вы единственные, но ... Вы единственные кто хоть что-то успел. Материалы у декана, куратора вы знаете, все потребное через него. Стране нужен выход за Врата, по зарез нужен. Не подведите.

Генерал тяжело поднялся и, собрав папочки со стола, вышел за дверь. Мы сидели молча таращась друг на друга, переваривая услышанное.

– Получается нас не выкинули на свалку? Не забыли? Мы нужны?

– Нос задирать не надо! – В дверях стоял Иванихин. – Привет орлы! Смотрю жирком заплыли, ничего, растрясем!

Радость от обретения смысла наложилась на встречу и наш куратор потонул в объятиях. Наше бурное веселье пре-

рвал декан, выставивший нас из своего кабинета.

Раскапывать сведения о храме или Вратах пришлось долго. Хорошо хоть в летописях Василия Тишайшего удалось найти полный вариант посвящения в ходоки. Это уже при Александре Освободителе их переименоуют в кавалергарды, а при князьях были ходоками. Мне не хватало еще двух посвящений, а вот остальной группе придется проходить с самого начала. Иванихин был отчасти в курсе смысла первого посвящения, именно поэтому и приучал нас бороться со страхом. Задача минимум была выполнена, осталось провести ребят через два первых посвящения.

– Петя, отправишься в столицу. Канал связи я дам, смотри не светись, сам знаешь какая на вас охота идет. Ты должен пройти третью ступень или как у вас это называется. Не спорь, так надо. Будешь сопровождать коллекцию университета на выставку, вылет завтра.

Осенний Петербург, золотая сказка, рассказанная великими сказочниками прошлого, для своих правнуков. Чтобы гордились и чтили величие подвига старины. Выставка проходила в Михайловском дворце и я получил прекрасную возможность любоваться Северной Пальмирой практически круглосуточно. Я так наивно думал, пока не отправил открытку с главпочтамта. Уже вечером меня провели проходными дворами так, что я совсем потерялся в неожиданно узких переходах. Мне казалось что все улицы столицы так широки и просторны, что от поребрика до поребрика не менее

пятидесяти метров, а тут на тебе, закоулок где и двоим не разойтись.

Как мы оказались в Зимнем дворце я так и не понял. Определил лишь увидав в окно Александровский столп и площадь вокруг него. Снова коридоры, коридоры, спуски, мне уже стало казаться, что мы под Невой идем, когда распахнулись высокие массивные двери в светлую комнату. Окон не было, но яркий свет заливал пространство комнаты. Отделка была весьма скромной, бумажные обои, простенький паркет, да и мебель какая-то казенная. Мои провожатые сдали меня скромному типу за обычным канцелярским столом и исчезли.

– Вы знаете что от вас требуется?– Чиновник с любопытством меня разглядывал.– Если есть конкретные пожелания, изложите в письменной форме. Стандартный набор подготовлен и ждет вас в комнате. Что-то еще?

Угу! Решимости сделать это! Этому то что, не получится у меня, встретит следующего и так далее, пока не выйдет на пенсию. Ладно, нечего оттягивать, только хуже будет.

– Я готов.– Голос у меня стал скрипучий, пересох от волнения.– Куда идти?

Третий ритуал проходит у Врат. Это я раскопал совершенно случайно, просто попала картинка где человек совершал манипуляции перед огромным овальным зеркалом. Очень уж изображение зеркала совпадало с рисунками Врат. Требуется познакомиться поближе с артефактом, точнее

представиться, в общем не важно, главное то, что это должен сделать я сам, добровольно! Да еще зная, что кого-то он не принимает...

– Отдаю тебе кровь свою, принимаю силу твою. – По лицу катит пот, дрожащими от напряжения руками втыкаю узкий клинок в селезенку и резко вынимаю.– Прими ее и одари силой.

В глазах туман от боли, но волнения уже нет. Выбор сделан, дальше либо смерть, либо все же смерть, но позже.

– Отдаю тебе жизнь свою, принимаю дары твои.– Стилет вонзается в печень и я с трудом извлекаю его обратно.– Прими ее и одари меня новой жизнью.

Раскаленные прутья впиваются в раны и я ору пока силы не покидают меня совсем. Дыхания не хватает и мне остается только глотать слезы и кровь из прокушенных щек. Дурацкая мысль пробивается в одурманенный болью мозг. Как целоваться, если язык откусишь? Похоже она была лишней...

Я вернулся в Царицын вместе с выставкой через неделю. Золотой осенний Петербург остался без моих восторженных вздохов, я едва оправился к отъезду, обратно выставка возвращалась по железной дороге. Наверное это было правильно, дать мне еще несколько дней. Мне не пришлось хоронить Веру. Наша Рыженькая не вернулась из кошмаров. Ребята провели несколько суток у ее постели, пытаюсь достучаться до ее сознания. Они наблюдали ее последние попытки вырваться, вырвать свой разум из тисков кошмаров и ничего

не могли сделать... Я стоял у скромной могилы на кладбище рабочего поселка и смотрел на архивное фото, улыбающейся красавицы Веры.

– Так бывает, ты сам прошел через подобное, знаешь.– Куратор стоял чуть позади.– Ты ни в чем не виноват.

– Я мог объяснить ей перед...

– Не мог. Вернись к остальным, ты им нужен.– Он положил руку мне на плечо.– Вы не в первый и не последний раз теряете товарищей. Ты их лидер, так веди их, укажи путь! Дай им направление и освети тьму, стань наконец...

– Взрослым.– Я почувствовал горечь.– Повзрослей Петя. Я понял.

В комнатах было тихо, я уже подумал, что никого нет, но вся группа была в сборе. На столе стояла водка и стаканы, больше ничего.

– Не так.– Я достал еще одну бутылку и буханку черного хлеба. – На Руси провожали павшего воина. Она была воином и пала в сражении!!!

Пришлось повысить голос, чтобы прервать возражения.

– Так вот. На Руси справляли тризну по павшим в бою воинам. – Я налил стакан до краев и положил сверху кусочек черного хлеба.– Поминая их добрым и веселым словом. Чтобы дух воина знал, что его смерть не напрасна и соратники не клянут его, а славят за подвиг! Твоя жизнь и смерть не была напрасной! Будем помнить.

Мы пили, поминая Рыжую, вспоминали ее выходки и как

она водила парней за нос, назначая свидания самым настыр-
ным в одном месте сразу нескольким. Как она привидением
пугала первокурсниц на раскопе...

– Как думаешь, Лаврентий.– Голос этого грузина за-
ставлял сердце сжиматься и пропускать несколько ударов.–
Успеем? Может ввести в Москве военное положение? Это я
так, в виде варианта говорю.

– Успеем Коба. Нет у нас другого выхода. Да и Курчатов
обещает через полгода действующий образец.– Сердце снова
пропустило удар.– Надо в Заполярном районе разворачивать
истребители высотные, усилить дальний...

– Ты мне бомбу дай, остальное и без тебя сделаем. Иди
Лаврентий, иди к себе, спать пора...

– Петь, вставай, иди к себе, спать пора...– Меня растолка-
ла Надя Годар.– Поздно уже, иди к себе. Мы спать ложимся.

– Да, Коба, иду...– Образ усача с трубкой растаял и на
меня уставились голубые глаза.– Иду Надь, иду.

Аспект, применяемый для прохода Врат был довольно
сложный, состоял из нескольких знаков. Открытие, направ-
ление, путь и закрытие. Все эти аспекты применялись в
пунктах связи, но по отдельности. В описании, оставлен-
ном одним из кавалергардов при Николае Первом, указаны
внешние атрибуты и признаки правильного срабатывания,
вот мы и тренируемся до полного упадка сил. Проявлений
нет и я подозреваю, что связано это с не до конца пройден-
ным посвящением. Трудность четвертого шага в том, что это

должен делать действующий ходок или кавалергард, прошедший полное посвящение. Это по летописям. Мне же кажется, что дело здесь в силе, передаваемой новому ходоку. По крайней мере просто удар в сердце убьет неопита и все. Определить какой аспект передавался во время удара и повторить это, не ошибившись, я в этом был заинтересован, прямо скажем, очень сильно. Поэтому и пропадал в архиве, где были собраны целые горы материалов по этой теме. Вот только больше ничего не было. Мы прорыли эти горы насквозь, вдоль и поперек, по четвертому посвящению больше ничего!

Группа пережила второе посвящение, я при этом присутствовал и слышал слова, обращенные к неопитам.

– Указую путь свету!

Эти слова и следующий за этим укол я прекрасно помнил, как помнил и свои слова, что не очень это похоже...

– Свет!!!– Я вскочил и в возбуждении бросился к Иванихину.– Подождите немного! Кто еще на ногах идите сюда!

Я заставил отработать их аспект свет, одновременно с ударом Иванихина шпагой. Подумал и попросил взять шпагу Надю Годар. Она занималась фехтованием серьезно и удар был поставлен.

– Надь. Укол точно в сердце и аспект свет.– Я обвел глазами остальных. Подошли даже те, кто только что перенес второе посвящение.– Вам надо передать свой аспект свет Наде во время удара. Потренируйтесь несколько раз и давайте.

– С ума сошел?! Что если я... – Девушка встретила со

мною глазами.— Ты...

— Это кажется безумием, но я уверен. Сейчас уверен. Надо решаться пока я еще уверен. Надя, я даже Иванихину не могу доверить этот удар.

Это было безумно больно... Свет вливался в меня потоком, я прямо ощущал треск горящей плоти, там где свет прокладывал себе путь. Когда мою тушку донесли до лазарета и представили фельдшеру, то он был уверен что я получил ожог груди. Это мне девчонки рассказали, когда я очнулся. Что могу сказать, фельдшер наш уволился. Выключил свет в лазарете, решил не мешать мне спать, и разбудил всю округу криком, я видите ли светился в темноте. Эффект длился недолго, пару недель, но девчонкам нравилось... Если бы не только светильником подрабатывать, но тут увы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.